

**КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ**

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
“ПСИХОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ГРУППОВОГО СУБЪЕКТА” /
ПОД РЕД. А.В. БРУШЛИНСКОГО, М.И. ВОЛОВИКОВОЙ.
М.: ПЕР СЭ, 2002. 368 с.**

Книга предваряется некрологом на первого ее редактора, члена-корреспондента РАН, директора Института психологии РАН Андрея Владимировича Брушлинского, что говорит о невосполнимости этой потери для психологической науки и практики.

В данной коллективной монографии А.В. Брушлинский и остальные 12 авторов (все они, за исключением двух, – ведущие ученые ИП РАН) намечаются и осваиваются новые направления исследований теории субъекта. Например, начала субъектности прослеживаются от самых ранних стадий развития индивида, обосновываются инновационные и продуктивные подходы к психологии коллективного субъекта. В этом плане общая тема коллективной монографии и привлекает, и настораживает узнаваемостью, – в ней ставятся проблемы, определяющие основные направления современной отечественной психологии, и не имеющие однозначного решения. Это требует от авторов ответственности в выборе конкретных тем и необходимости поддерживать высокий уровень в исследовании психологии субъекта.

Книга открывается главой “О критериях субъекта”, написанной А.В. Брушлинским. Она подводит итоги – конечно же, неокончательные из-за их принципиальной незавершенности, как незавершен в своем бытии и сам субъект – углубленных разработок психологии субъекта, которые начались трудами С.Л. Рубинштейна еще 80 лет тому назад, но систематическое и всестороннее развитие получили лишь в 1980-1990х гг. И автор связывает импульсы к ее завершению с необходимостью ответить на вопрос: что же такое человек, личность в условиях свободы? Причем надежный ответ на него можно получить лишь в рамках науки.

Субъект определяется А.В. Брушлинским как “человек, люди на *высшем (индивидуализированно для каждого из них) уровне активности, целостности (системности, автономности и т. д.)*” (с. 9). Данное определение задает масштаб подхода к самым разным сторонам психической жизни человека, психологии коллективного субъекта, человечества как субъекта. Категория субъекта при этом не только “приподнимается” до философских высот, причем правомерно, в соответст-

вии с замыслами и алгоритмами ее анализа, разработанными еще С.Л. Рубинштейном, но и “опускается” до уровня субъектной психофизики, успешно разрабатываемой специалистами ИП РАН.

Решение проблемы критериев субъекта заключается в том, чтобы отграничивать *психологию субъекта именно как отрасль психологической науки*. Причем такую отрасль, которая непосредственно побуждает к разворачиванию и другие отрасли: психотерапию, психодиагностику, экономическую, экологическую, политическую, историческую, юридическую и другие психологии. Как раз вследствие данной, если можно так выразиться, наполняемости субъектностью, как отмечено в статье, “почти все сферы общественной практики (промышленность, образование, здравоохранение, бизнес, управление, психологическое консультирование и т. д.) получают теперь в той или иной степени психологическое обеспечение” (с. 22). И социально значимый запрос на такое обеспечение и подобную наполняемость требует укрепления единства теории, практики и эксперимента – с учетом ведущей роли субъекта и понимания значения обратных связей как регуляторов его деятельности. Глубокие теоретические размышления о природе таких связей, их месте в процессах саморегуляции субъекта и завершают эту поистине мудрую статью, открывающую новые возможности исследований в рамках психологической науки.

Как отмечает автор следующей главы монографии К.А. Абульханова, весьма интересна и сама история теории субъекта. Предыдущий рубеж веков характеризовался кризисом психологии. Конечно, разговоры о кризисе шли и после этого рубежа; более того, ситуация с определением предмета психологии в чем-то перманентно кризисна, хотя вовсе не контрпродуктивно. Но тот крупнейший кризис породил один из непререкаемых постулатов – *психология субъекта!* Категория субъекта была реабилитирована С.Л. Рубинштейном для психологии еще в его ранних работах, можно сказать, раз и навсегда, хотя об этом часто и настойчиво забывалось в рамках “советской” психологии. Но к следующему рубежу веков введенная и корректно сформулированная

философско-психологическая концепция субъекта и категория субъекта “обнаруживает все новые и новые философские, методологические и конкретно-научные значения” (с. 34).

Конкретизацией категории субъекта в широких социальных контекстах отличается третья глава монографии, написанная А.Л. Журавлевым и посвященная психологии коллективного субъекта. Такое ее применение позволяет сделать плодотворные усилия по дифференциации и спецификации групповых явлений, изучаемых в основном социальной психологией; по-новому проявляются возможности противостояния множеству угроз общностей людей как коллективных субъектов, правомерно доказывает автор.

Понятие коллективный субъект всегда учитывалось серьезными психологами, хотя слово “коллективизм” ранее едва ли не табуировалось рядом стремившихся обогнать моду психологов в России. Но группа людей, выполняющих совместную деятельность, как раз и является коллективным субъектом по самым высоким критериям оценивания. В главе приводятся аргументы в пользу именно такой трактовки, обосновываемой С.Л. Рубинштейном и А.В. Брушлинским, а также В.М. Бехтеревым и Б.Ф. Ломовым.

Конечно же, коллективный субъект – вовсе не продукт “Мейд ин Россия”, и лучшим доказательством этому являются переориентации большинства направлений современной западной социальной психологии на гуманистическую парадигму, которая при определенных приближениях вполне сопоставима с концептом коллективного субъекта. Просто, как и в некоторых других аспектах, отечественные ученые “догадались” об этом ранее других. Автор же данной главы выделяет и взаимоувязывает различные аспекты понимания понятия “коллективный субъект”, соотносимого с понятием “коллектив как субъект”; выделяет их ключевые признаки (в числе которых продуктивная взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов, способность группы проявлять различные формы совместной активности, качество группы к саморефлексии); обосновывает основные направления и схемы анализа коллективного субъекта; выделяет его формально-структурные характеристики.

Глава завершается перечнем сущностно значимых “свойств и совместной деятельности, и коллективного субъекта” (с. 76–78): целенаправленность, мотивированность, целостность, структурированность, согласованность, организованность, результативность. За ними следует набор характеристик в основном совместной деятельности (с. 79): “подготовленность, компетентность, профессиональность и т. п. коллективного субъекта”. Уже сам набор этих свойств содержит не-

кий эвристический момент, равно как и программу исследований. Но в главе даны и определения указанных свойств, основанные на результатах конкретных эмпирических исследований деятельности коллективного субъекта в самых различных сферах жизни.

Безусловный интерес (и не только психологов) вызывает глава, написанная В.А. Кольцовой и И.Р. Федорковой, где поставлена задача исторической реконструкции основных социально-психологических особенностей московского купечества, которое внесло весомый вклад как в промышленность и торговлю Москвы и России, так и в их социальную инфраструктуру и культуру (хороший нравственный урок нашим “бизнесменам”). Экспликация субъектно-деятельностного подхода на такой “коллективный субъект как московское купеческое общество как особая социально-психологическая общность” (с. 83) дала очень интересные и поучительные результаты. На наш взгляд, не мешало бы рельефнее выделить (квази)религиозную составляющую их деятельности, к примеру, порассуждать о старообрядчестве как некоем аналоге протестантской этики в интерпретации М. Вебера.

В.В. Знаков исследовал субъект-субъектные и субъект-объектные типы понимания высказываний и психологических особенностей партнеров в межличностном общении. Эксперименты показали, что стремление хотя бы одного из партнеров обращаться с другим не как с субъектом, а как с объектом, которым можно манипулировать, пагубным образом сказывается на успешности достижения взаимопонимания. Обнаружено, что психологической предпосылкой манипулятивного поведения является высокий уровень выраженности макиавеллизма личности субъекта. Субъекты с высоким его уровнем в общении отличаются коммуникативной негибкостью, ригидностью. Личностными и ценностно-ориентационными основаниями ригидности, препятствующими достижению взаимопонимания, являются “синдром эмоциональной холодности”, низкая эмпатичность, преобладание субъективной значимости социально-статусных ценностей над моральными, представление об универсальности манипуляции как эффективного способа общения, убеждение в собственном превосходстве, игнорирование психологических особенностей партнеров.

А.Н. Славская рельефно выявляет роль субъекта в создании и интерпретации авторской концепции, подчеркивая, что таковая безусловна должна быть у педагога.

В статье В.А. Барбанищикова вводится понятие “перцептивной системы” и обосновывается тот подкрепляемый теорией субъекта существенный момент, что понятие это “позволяет преодо-

леть главный недостаток существующих подходов к исследованию восприятия - отрыв объекта восприятия от субъекта и их внешнее (дизъюнктивное) противопоставление” (с. 215). Подчеркнем, что обоснованная А.В. Брушлинским презумпция недизъюнктивности психических процессов подтверждается статусом указанного понятия со всей определенностью.

Хотелось бы отметить тщательную имплантацию категории субъекта в психофизику, казалось бы, одну из наиболее “обезличенных” отраслей психологической науки. Крупнейший специалист в области психофизики К. В. Бардин показал, что необходима “психологизация психофизики” (с. 221). А это уже путь к субъектно-ориентированному подходу в психофизике, значение которого можно было бы выразить следующей формулой метафорического порядка: нет корреляций без субъектности, но нет и абстрактного субъекта, не задающего конфигураций корреляциям.

В подобном русле и глава об онтогенезе субъекта, о ранних этапах его развития, написанная *Е.А. Сергиенко*. Основанный на широкой эмпирической базе ее вывод о том, “что в самом начале развития человека как субъекта существуют базовые формы индивидуальности человека, преломляющие изначально воздействия среды” (с. 307), причем относительно уже первых трех лет жизни ребенка, – привлечет внимание самого широкого круга исследователей.

В главе о свойствах субъекта в ракурсе его жизненного цикла *В.В. Селиванов*, исходя из концепции А.В. Брушлинского о пластичной, про-

цессуальной, недизъюнктивной природе психики, выдвигает свою трактовку стадийного развития субъекта. Таковая позволяет рассматривать его “в качестве динамического, развивающегося начала, но не только как определенный уровень развития человека. Субъект является изначально общественным существом, индивидуально воплощающим всеобщие-родовые закономерности движения психики, имеющим (в отличие от животного) свою историю (С.Л. Рубинштейн) и собственный жизненный путь (Б.Г. Ананьев)” (с. 327).

Завершают коллективную монографию статья о прототипическом образе Я, в которой *Т.А. Ребеко* анализирует представление человека о себе с феноменальной точки зрения и выделяет семь типов такого представления, и статья второго редактора издания *М.В. Воловиковой* о личности как субъекте становления нравственного и правового сознания. Примечательным в ней является сопоставление контрастных мировоззренческих позиций психолога С.Л. Рубинштейна и философа И.А. Ильина, которые по-разному обосновывали единую идею о глубокой связи правового и нравственного сознания.

Рецензируемая работа безусловно открывает новые горизонты на всех основных направлениях психологических исследований. Остается добавить, что это не только научная обязанность, но и моральный долг перед памятью великого ученого и человека – Андрея Владимировича Брушлинского.

Задорожнюк И.Е.,
кандидат философских наук, Москва